

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

Научная статья

УДК 94

DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-195-329-340

Роль «североатлантического треугольника» в становлении канадской внешней политики: к вопросу о трактовках концепта

Наталья Юрьевна ЖУКОВСКАЯ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
zjukovskaya@yandex.ru

Аннотация. Представлен анализ различных трактовок концепта «североатлантический треугольник» в контексте становления канадской внешней политики в конце XIX – первой половине XX века. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения взаимодействия атлантических держав в исторической динамике, с акцентом на истоки формирования «североатлантического треугольника». С опорой на классические труды канадских историков и работы современных исследователей проанализирован концепт «североатлантический треугольник» через три основные идеи: «загадка бухгалтера», идея «противовеса» и идея «моста» или «опоры». Сделан вывод о том, что становление канадских национальных интересов началось задолго до того, как канадцы осознали себя нацией и обрели возможность проводить самостоятельную внешнюю политику. Этот процесс во многом определялся особыми отношениями с двумя центрами притяжения: Великобританией и США. Канада являлась самой слабой стороной этого конструкта, поэтому, из соображений безопасности и сохранения собственных интересов, она выработала определенные сценарии взаимоотношений с атлантическими партнерами. В зависимости от исторических обстоятельств акценты в этих сценариях менялись. Именно поэтому трактовки понятия «североатлантический треугольник» зачастую разнятся в зависимости от предметного наполнения и хронологических границ конкретного исследования. Однако доказано, что неизменной оставалась основная целевая установка канадских внешнеполитических приоритетов – обеспечивать собственную безопасность и извлекать максимальную выгоду из отношений внутри «североатлантического треугольника», умело сглаживая противоречия и лавируя между Великобританией и США.

Ключевые слова: «североатлантический треугольник», внешняя политика Канады, метрополия, канадо-американские отношения

Для цитирования: Жуковская Н.Ю. Роль «североатлантического треугольника» в становлении канадской внешней политики: к вопросу о трактовках концепта // Вестник Тамбов-

ского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 195. С. 329-340.
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-195-329-340>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-195-329-340

The role of the “North Atlantic Triangle” in the development of Canadian foreign policy: on the question of interpretations of the concept

Nataliia Y. ZHUKOVSKAYA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
zhukovskaya@yandex.ru

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](#)
Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](#)
© Жуковская Н.Ю., 2021

Abstract. An analysis of various interpretations of the concept of the “North Atlantic Triangle” in the context of the development of Canadian foreign policy in the late 19th – first half of the 20th centuries is presented. The relevance of the work is due to the need to study the interaction of the Atlantic powers in historical dynamics, with an emphasis on the origins of the development of the “North Atlantic triangle”. Based on the classic works of Canadian historians and the works of modern researchers, the concept of the “North Atlantic Triangle” is analyzed through three main ideas: the “bookkeeper’s puzzle”, the idea of “counterweight” and the idea of a “bridge” or “linchpin”. It is concluded that the development of Canadian national interests began long before Canadians recognized themselves as a nation and gained the ability to pursue an independent foreign policy. This process was largely determined by a specific relationship between two centers of gravity: Great Britain and the United States. Canada was the weakest side of this construct, therefore, for reasons of security and the preservation of its own interests, it developed certain scenarios of relations with the Atlantic partners. Depending on historical circumstances, the emphasis in these scenarios was different. That is why interpretations of the concept of the “North Atlantic Triangle” often differ depending on the subject content and chronological boundaries of a particular study. However, it has been proven that the main goal setting of Canadian foreign policy priorities – to ensure their own security and derive maximum benefit from relations within the “North Atlantic Triangle”, skillfully smoothing out contradictions and maneuvering between Great Britain and the United States – remained unchanged.

Keywords: “North Atlantic triangle”, foreign policy of Canada, metropolis, Canadian-American relations

For citation: Zhukovskaya N.Y. Rol’ «severoatlanticheskogo treugol’nika» v stanovlenii kanadskoy vneshney politiki: k voprosu o traktovkakh kontsepta [The role of the “North Atlantic Triangle” in the development of Canadian foreign policy: on the question of interpretations of the concept]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 195, pp. 329-340. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-195-329-340> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Говоря о становлении канадской внешнеполитической идентичности, а возможно и шире – об осознании канадцами себя как самостоятельной нации, мы неизменно обращаемся к концепту «североатлантического треугольника», как бы спорно и многомерно он не звучал.

«Североатлантический треугольник» – это теоретический конструкт, который характеризует специфику взаимоотношений между Канадой, Великобританией и Соединенными Штатами, преимущественно в конце XIX – первой половине XX века. Однако встречаются как более широкие, так и более узкие трактовки этого термина. Сложность и дискуссионность использования концепта «североатлантический треугольник» заключается в том, что его понимание сильно разнится в зависимости от того, какое хронологическое и смысловое наполнение вкладывает в него конкретный исследователь. Если мы говорим об отдельных, достаточно узких сферах взаимодействия указанных акторов, например, торгово-экономических связях или процессах движения иммигрантов и реиммигрантов между территориями Северной Америки и Британских островов именно в контексте трехстороннего взаимодействия, то, очевидно, хронологически этот период достаточно широк. С определенными оговорками, он может включать в себя всю вторую половину века XIX и первую половину XX века, вплоть до начала «холодной войны».

Если мы будем рассматривать «североатлантический треугольник» с точки зрения современных международных отношений, то это, напротив, сильно сужает хронологические рамки. В указанный период Канада была доминионом, ее внешняя политика была сферой ответственности метрополии и руководствовалась принципом дипломатического единства Британской империи. Поэтому, формально, говорить о межгосударственных отношениях между Канадой, Великобританией и США не совсем корректно. К тому же в указанный период не существовало каких-либо трехсторонних договоров и соглаше-

ний. Они появятся только в период Второй мировой войны и чуть позже, в процессе оформления послевоенной системы международных отношений, а точнее, создания ООН. Следовательно, и о существовании «североатлантического треугольника» мы можем говорить только применительно к периоду Второй мировой войны и послевоенного урегулирования, а смысловое наполнение концепта уходит в сторону военнополитического взаимодействия.

Однако, когда мы говорим о процессе становления канадской внешней политики, не стоит оставлять без внимания один немаловажный аспект. Канада получила внешнеполитическую независимость с принятием Вестминстерского статута 1931 г. Но уже с середины XIX века четко прослеживаются первые шаги доминиона в сторону поиска собственного места в международных отношениях. Вопросы внешней торговли, возможности самостоятельного участия в международных договорах и учреждения собственных дипломатических представительств, да и, собственно, становления канадцев как нации были актуальны для доминиона задолго до получения формальной независимости от Великобритании. И, что особенно важно, Канада не могла решать их исключительно в рамках двустороннего взаимодействия: отдельно с Великобританией, отдельно с Соединенными Штатами. Именно поэтому метафора «треугольника», зачастую с очень разным смысловым наполнением, появляется при характеристике взаимоотношений Канады, Великобритании и США в различные хронологические периоды.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отправной точкой для определения «североатлантического треугольника» является книга Джона Бартлета Бребнера, опубликованная в 1945 г. Сам Д.Б. Бребнер не давал какого-либо точного определения метафоре треугольника. Как историк он скорее размышлял о развитии американо-канадских отношений с колониального периода в социально-экономической сфере, и в области ме-

ждународных отношений. Однако Д.Б. Бребнер указывал, что далеко не все аспекты этого взаимодействия могут быть объяснены исключительно в североамериканских терминах. Канада и Соединенные Штаты не могли исключить влияние Великобритании ни в сфере идеологических парадигм, ни в каналах дипломатического взаимодействия, ни в плане экономики. Отсюда и появляется конструкт треугольника, как метафора связи между Великобританией, Канадой и США, иллюстрирующий их трехстороннее взаимодействие и взаимовлияние [1].

Идея «североатлантического треугольника» и по сей день является одной из наиболее дискуссионных как с точки зрения ее исторического контекста, так и возможности ее применения к реалиям современных международных отношений. Если обратиться к тем глобальным недостаткам конструкта, на которые указывают большинство критиков, то здесь мы видим преимущественно два дискуссионных аспекта.

Во-первых, эта метафора скорее объясняет и определяет место Канады в системе трехсторонних отношений, возможно, искусственно его преувеличивая. Ни для Соединенных Штатов, ни для Великобритании Канада никогда не была равноправным партнером. Канада виделась, скорее, как дополнительный элемент американо-английского или англо-американского взаимодействия, который мог быть использован в зависимости от обстоятельств как канал коммуникации, гиря на нужную чашу весов или как инструмент давления. Однако стороны «североатлантического треугольника» никогда не были равны.

Во-вторых, аналогия треугольника подразумевает, что все три стороны стремятся в равной степени развивать благоприятные, открытые, достойные и терпимые трехсторонние отношения. «Этот образ не отражает исторической реальности», – писал канадский историк Гордон Стюарт. Концепция подразумевает, что все три страны в равной степени привержены метафоре треугольника. В случае Соединенных Штатов это вопиющая ошибка. Американские политики от-

нюдь не были заинтересованы в поддержании треугольной атлантической системы, а видели цель внешней политики США в том, чтобы разорвать связь между Великобританией и Канадой» [2, р. 5-6].

Для Великобритании роль Канады в «особых» отношениях с США на протяжении разных исторических периодов приобретала разные оттенки, но не меняла ее сути. Колония, а затем и Доминион всегда были для метрополии средством получить что-то от североамериканского соседа: неофициальную информацию, экономические уступки или преференции, политические бонусы и т. д. Подобных примеров можно привести огромное количество.

Что касается Канады, она находилась как бы в состоянии непрерывного движения вдоль некой оси, расположенной между двумя полюсами, Британией и Соединенными Штатами, каждый из которых обладал значительной силой притяжения.

Таким образом, конструкт, предложенный Д.Б. Бребнером в середине XX века, представлял собой интересную, оригинальную, но не лишенную теоретических пробелов концепцию. Концепция нуждалась в более глубоком, многослойном анализе трехсторонних взаимоотношений Канады, США и Великобритании, чтобы показать разные стороны этого взаимодействия, при этом не сводя его к набору двусторонних связей, но и не используя метафору треугольника в идеалистической парадигме.

Возобновление интереса к «североатлантическому треугольнику» случилось уже в начале XXI века, с выходом работы другого канадского исследователя, Дэвида Хаглунда. В 2000 г. вышла его книга “The North Atlantic Triangle Revisited: Canadian Grand Strategy at Century's End”, в которой он рассмотрел значение метафоры треугольника для «канадской большой стратегии в конце века», тем самым во многом объяснив различные аспекты стратегической культуры Канады [3]. Как заметил в своей статье “The North Atlantic Triangle: a Canadian myth?” Тони Маккаллох: «На самом деле он обеспечил то теоретическое

обоснование треугольника, которое Бребнер никогда не пытался сделать» [4, p. 203].

Д. Хаглунд, соглашаясь с Д.Б. Бребнером, замечает, что метафора «североатлантического треугольника» объясняет особенности именно канадских внешнеполитических ориентиров и показывает эволюцию «североатлантического треугольника» через три базовых идеи, которые в том или ином прочтении существуют в канадских умах больше столетия.

Загадка бухгалтера ("bookkeeper's puzzle"). Первая идея, датируемая последней четвертью XIX века, была названа Д.Б. Бребнером «загадкой бухгалтера». Д. Хаглунд размышляет, что загадка состояла в том, как наилучшим образом наладить отношения как с Англией, так и с Соединенными Штатами, имея при этом возможность прибегнуть к помощи первой (Британии) против политического и, возможно, военного давления второй (Соединенных Штатов), в то же время гарантируя, что британское стремление к англо-американскому сближению не приведет к жертве канадскими интересами [3].

Наиболее ярко смысл загадки бухгалтера иллюстрирует эпизод, связанный с Вашингтонским договором 1871 г. Этот договор разрешил ряд нерешенных проблем между Великобританией и США, включая рыболовство и территориальные претензии, репарации за рейды фениев и претензии Алабамы. Однако канадцы опасались, что Британия будет слишком охотно склоняться перед американским давлением, тем самым жертвуя канадскими интересами в попытке наладить отношения с Соединенными Штатами. Другими словами, Канада боялась быть покинутой англичанами, а Британия боялась оказаться втянутой в войну с Соединенными Штатами из-за своей приверженности защите канадцев. Неудивительно, что британский выход из дилеммы указывал в сторону разрядки отношений с Америкой – со всеми вытекающими отсюда последствиями для канадских политических интересов. Подтверждением тому служит переписка канадского премьер-министра Макдональда, представлявшего на переговорах Канаду, с Кабинетом министров

в Оттаве. Макдональд не всегда был допущен к консультациям между английскими делегатами, и он никогда не скрывал того факта, что, несмотря на все его усилия, интересы Канады были в какой-то мере принесены в жертву стремлению англичан урегулировать проблемы и претензии, возникшие в результате Гражданской войны. «В отношении вопросов рыболовства я нахожусь в настоящее время в очень незавидном положении, поскольку отстаиваю их один. Американцы постоянно обесценивают стоимость нашей собственности, и делают абсурдно заниженные предложения. Мои [британские. – Н. Ж.] коллеги, в их стремлении к урегулированию, постоянно требуют, чтобы я уступил», – писал Макдональд генерал-губернатору Канады лорду Лисгару в апреле 1971 г. из Вашингтона¹.

Для канадцев становилось все более очевидным, что если их интересы по отношению к США должны быть защищены, то лучше всего это могли сделать только они сами. И что отношения с соседом надо выстраивать самостоятельно, умело сглаживая противоречия и филигранно лавируя между Англией и США.

Идея противовеса ("counterweight"). В период перед Первой мировой войной слово «империя» начинает от непоколебимой аксиомы переходить в раздел дискуссионных. Великая война разрушила многое из того, что считалось само собой разумеющимся, и в межвоенный период державы предпринимали различные попытки примириться с изменениями, вызванными этим грандиозным конфликтом. По словам Д. Хаглунда, идея противовеса начала появляться вскоре после Первой мировой войны в контексте трехсторонней дипломатии с участием Канады, Великобритании и Соединенных Штатов [5, p. 218-221]. Для трех членов «североатлантического треугольника» этот период был переходным. Дух военного сотрудничества ис-

¹ From Sir John Macdonald to Lord Lisgar. The Arlington, Washington, 7 April, 1971 // Correspondence of Sir John Macdonald / ed. by J. Pope N. Y.: Doubleday Page, 1921. P. 142-143.

сяк в сложной и часто запутанной атмосфере растущего соперничества и даже враждебности в англо-американских отношениях. Это соперничество в значительной степени отразилось и на Канаде.

В межвоенный период основной задачей канадцев оказывается удержаться от того, чтобы быть втянутыми в европейские противоречия. Здесь и начинает приобретать значение другая идея – противовеса, то есть дистанцирование от неудобных инициатив одного из партнеров по треугольнику, умело противопоставляя им интересы другого.

Известно, что старейший Доминион меньше всего хотел участвовать в европейских делах или вносить вклад в имперскую оборону, в отличие, например, от Австралии или Новой Зеландии. Канадскую политику в течение большей части межвоенных лет можно охарактеризовать как изоляционистскую. С точки зрения Канады это было оправдано. В европейской, по своей сути, войне погиб цвет канадской молодежи. «Это была европейская политика, европейская государственная мудрость, европейские амбиции, которые залили этот мир кровью, от которых мы все еще страдаем и от которых будем страдать в течение многих поколений», – заявил канадский делегат Ньютон Роуэлл на первом заседании Лиги Наций в 1920 г. [6, р. 86].

С особой настороженностью и даже неприятием канадцы относились к любым инициативам по созданию механизмов коллективной безопасности как на международном уровне, так и внутри империи. Доминион всегда должен подходить к своим «обязательствам и вмешательствам в отношении всех регионов мира в смысле, совместимом с его географическим положением», – писал известный канадский дипломат Лоринг Кристи².

Изменение политического климата в «североатлантическом треугольнике» впервые создало для канадских политиков возможность использовать аргумент противовеса. В своей попытке уклониться от участия в

согласованной имперской политике в области безопасности и обороны правительство Кинга в значительной степени опиралось на аргумент о том, что Канада вносит свой вклад в оборону Содружества, поддерживая тесные отношения с Соединенными Штатами [5, р. 221].

Идея противовеса появляется в канадском внешнеполитическом арсенале еще и потому, что с начала XX века интенсивность канадо-американского взаимодействия во всех сферах жизни начинает нарастать, а отношение к США – меняться. Канада постепенно начала переосмысливать себя как «североамериканскую», а не европейскую нацию еще до начала Великой войны. Но конфликт и его ужасные издержки ускорили процесс.

Канада вполне откровенно начинает противопоставлять британские интересы американским уже в период Первой мировой войны, вполне доходчиво определяя свою позицию. Премьер-министр Роберт Борден сделал первые шаги в этом направлении в конце декабря 1918 г., когда он сказал британскому кабинету министров: «Если будущая политика Британской империи означает сотрудничество с какой-либо европейской нацией против Соединенных Штатов, эта политика не может рассчитывать на одобрение или поддержку Канады»³.

Позднее, в ходе Вашингтонской конференции 1921 г. канадским дипломатам приписывали помощь в предотвращении раскола между Великобританией и США. США попросили Канаду оказать давление на Великобританию, чтобы та отказалась от своего военно-морского союза с Японией. Американцы относились к альянсу весьма настороженно, рассматривая его как союз между Великобританией и Японией против Соединенных Штатов. На фоне растущей напряженности канадский премьер-министр Артур Мейген отправился в Лондон для участия в им-

² Christie memorandum, Responsible Government: The Last Stage, June 15, 1926 // Christie Papers. Department of External Affairs files (Ottawa). Vol. 26. File 106.

³ Extract from Minutes of Forty-Seven Meeting of Imperial War Cabinet. Secret. December 30, 1918 // Documents on Canadian External Relations (Далее – DCER). Vol. 2. Ottawa: Department of External Affairs, 1969. P. 17.

перской конференции. Он ехал туда с одной целью: убедиться, что англичане не возобновят договор. Утверждая, что возобновление альянса будет иметь катастрофические последствия для канадско-американских отношений, А. Мейген пригрозил отмежеваться от любых попыток Великобритании заключить союз с Японией: «Если мы сейчас при таком положении дел возобновим конфиденциальные и исключительные отношения с Японией, то, на мой взгляд, совершенно невозможно убедительно утверждать, что это не повлияет пагубно на наши отношения с Соединенными Штатами, как бы упорно британское правительство ни старалось сохранить эти отношения хорошими»⁴. США добились своего. 13 декабря 1921 г. был заключен Трактат четырех держав между США, Великобританией, Францией и Японией, после ратификации которого англо-японский союз терял силу.

Канадские исследователи Джонсон и Ленарсик небезосновательно заметили по этому поводу: Мейген и Борден полагали, что они продемонстрировали две вещи во время имперской и Вашингтонской конференций. Во-первых, Канада могла бы стать связующим звеном между Великобританией и Соединенными Штатами. Во-вторых, имперская конференция продемонстрировала жизнеспособность единой имперской внешней политики, основанной на консультациях. В действительности, однако, они действовали в собственных интересах Канады, и тем самым им удалось подорвать основы британской политики на Дальнем Востоке, продемонстрировать, что, если бы их вынудили выбирать между Великобританией и Соединенными Штатами, Канада выбрала бы Соединенные Штаты [6, р. 94].

Связи Канады с метрополией вполне могли втянуть Доминион в военные действия не в его собственных интересах и не по его воле. Чанак и Локарно были важным тому подтверждением. «Мы не можем признать, что автоматически участвуем во всех бри-

танских войнах», – утверждал самый доверенный советник Кинга Оскар Склелтон. «Канада может лучше всего определить свой курс в свете фактов и обстоятельств того времени, а не выписывать пустой чек сейчас тем людям, которые будут у власти в Лондоне в 1940 году»⁵.

Однако стремилась ли Канада полностью разорвать связь с метрополией и всецело переориентироваться на южного соседа? Конечно, нет. В межвоенный период канадцы по-прежнему мыслили в терминах империи, и даже явные шаги в сторону автономии, такие как принятие Декларации имперской конференции 1926 г., учреждение дипломатических миссий в Вашингтоне в 1926 г., Париже в 1928 г. и Токио годом позже, были тесно увязаны внутриимперскими отношениями.

Однако, как указывал Кристи, это была «простая истина географии и истории, что канадцы являются североамериканцами, а не европейцами»⁶. К 1930 г. Соединенные Штаты инвестировали в Канаду около 4 млрд долл., более чем в два раза больше объема британских инвестиций. В то же время в Канаду хлынули новые технологически обусловленные продукты американской культуры. Американская культура была дешевой, увлекательной и доступной. А во второй половине 30-х гг. XX века пришел черед и вопросов безопасности.

Канада была большой и открытой страной, с небольшим постоянным ополчением и флотом, небольшой военной промышленностью, и береговыми линиями, которые были практически незащищенными. В американских военно-политических кругах поднимались вопросы: а что, если какая-то держава нападет на Канаду в качестве прелюдии к вторжению в Соединенные Штаты? Смогут ли канадцы защитить себя или американцы сделают это за них? В августе 1938 г. Рузвельт, выступая в Королевском университете

⁴ Minutes of the Ninth Meeting, Imperial Conference, 29 June, 1921 // DCER. Vol. 3. Ottawa, 1970. P. 174-188.

⁵ Skelton memorandum, 1 January, 1926 // Library and Archives Canada. Mackenzie King Papers. C1. Vol. 92.

⁶ Christie to Kerr, December 14, 1925 // Christie Papers. Department of External Affairs files (Ottawa). Vol. 11. File 35.

в Кингстоне, Онтарио, декларировал: «Доминион Канада является частью сестринства Британской империи <...> Я заверяю вас, что народ Соединенных Штатов не будет сидеть сложа руки, если благополучию Канады будет угрожать какая-либо другая империя» [7, р. 352]. Эта речь обозначила то, что уже было верным в течение многих лет: канадцы больше не могут быть защищены Великобританией, и что, в конечном счете, им придется в своей безопасности полагаться на Соединенные Штаты.

Разразившаяся война показала, что канадцы не отказались от своей привязанности к Британии и империи. Они не продали свои души американцам. Напротив, война лишь укрепила сентиментальную привязанность канадцев к Британии, но по внутренним причинам и из-за растущей слабости самой Британии у них не было реальной альтернативы, кроме как обратиться к Соединенным Штатам. Империя больше не могла обеспечить канадцам ни экономическую, ни военную безопасность; американцы могли обеспечить и то, и другое, а также будущие возможности.

Вторая мировая война кардинально изменила баланс сил внутри «североатлантического треугольника». Если на начальных ее этапах канадцы еще рассчитывали увидеть себя в качестве равноправного партнера Великобритании и США, то к концу войны они, очевидно, оказались в положении младшего союзника. А экономическое и социокультурное доминирование американцев в Канаде к концу войны оказалось столь значительным, что стремление к противовесу снова будет характеризовать большую часть трехсторонней политики Канады в послевоенный период, только на этот раз уже против Соединенных Штатов.

Идея стержня, моста или опоры (“linchpin”, “bridge”). Если головоломка бухгалтера и идея противовеса, по мнению Д. Хагланда, были элементами «жесткой» динамики канадской внешнеполитической стратегии, предусматривающей защиту канадской безопасности и политических интересов, то идея моста или опоры, напротив,

апеллировала к «мягкому» продвижению и проецированию идей в рамках канадской внешней политики [8, р. 16]. Когда старые англо-американские антагонизмы утихли, для характеристики той роли, которую Канада исполняла во взаимодействии между США и Великобританией, была использована метафора «стержень». В целом она была связана с идеей о том, что Канада могла бы внести уникальный вклад в укрепление солидарности «североатлантического треугольника» через свою предполагаемую способность влиять на сближение между двумя великими державами треугольника. Можно согласиться с историками Маккерчером и Аронсеном, отметившими, что в «североатлантическом треугольнике» «не было альтруизма», но из этого не следует, что «не было и идеализма» [9, р. 8-9].

Традиционно считается, что метафора Канады как «моста» была впервые использована после имперской конференции в 1926 г., признавшей право Доминионов на проведение самостоятельной внешней политики [9, р. 3-4]. Однако уже в период Первой мировой войны подобные идеи витали среди канадских политиков и общественных деятелей. Венный историк Чарльз Стэйси отмечал, что лояльное отношение Бордена к Соединенным Штатам было обусловлено его искренней верой в так называемую «теорию опоры», идею, что специальное предназначение Канады – служить мостом между Соединенными Штатами и Великобританией [10, р. 228]. Под руководством Бордена канадская политика в отношении Соединенных Штатов характеризовалась особенной политической осмотрительностью. В середине войны произошел инцидент, хорошо иллюстрирующий этот факт.

В сентябре 1916 г. отношения между Великобританией и Соединенными Штатами были весьма натянутыми. Это было связано с активным вмешательством Англии в нейтральную торговлю и использованием Великобританией так называемого «черного списка» против американских фирм. Протестуя против подобной практики, президент Виль-

сон инициировал прохождение через Конгресс законопроекта, дающего ему право наложить эмбарго на экспорт всех боеприпасов. Британский посол в Вашингтоне сэра С. Спринг-Райс был весьма обеспокоен по этому поводу. Наложение эмбарго могло сказаться катастрофически на участии Британии в военных действиях. Его собственные протесты не возымели никакого эффекта. Тогда С. Спринг-Райс отправил Бордену телеграмму, в которой обрисовал ситуацию и предположил, что «могло бы быть полезно, рассматривая весьма дружественные чувства здесь [в США. – Н. Ж.] к Канаде, если частное предупреждение поступило бы от вашего правительства» [10, р. 229]. Тремя днями позже Бонар Лоу, министр по делам колоний, телеграфировал тот же самый совет, но в более решительной форме: «Поскольку мы верим, что сердечные отношения с Доминионом Канадой являются одной из главных целей правительства Соединенных Штатов, мы полагаем, что намек президенту на неприятный эффект, который окажут подобные меры на канадское мнение, мог бы иметь большое влияние»⁷.

Канадскому премьер-министру идея подобного канадского вмешательства не казалась необходимой. Борден считал, что Вильсон только блефует, и оказался прав. Эмбарго так и не было введено. Однако этот случай показателен в том, что, когда дело касалось канадо-американских отношений, Доминион явно рассматривался метрополией как важный канал коммуникации с Соединенными Штатами.

Идея «моста» была актуальна и для эпохи Маккензи Кинга, особенно в период быстро ухудшающейся международной ситуации в середине 1930-х гг. Отношения между Лондоном и Вашингтоном в 1935 г. были очень напряженными, отчасти из-за экономических проблем, связанных с торговлей и военными долгами. Одним из способов улучшения отношений были переговоры о

заключении англо-американского договора, но Оттавские соглашения 1932 г., основанные на имперских преференциях, делали переговоры очень трудными. Когда М. Кинг стал премьер-министром, он быстро заключил канадско-американское торговое соглашение, а затем содействовал заключению англо-американского торгового соглашения 1938 г. Он также помог президенту организовать королевский визит в Вашингтон и Гайд-парк в Нью-Йорке в июне 1939 г. в рамках более масштабного королевского турне по Канаде в том же году. Встречи между Георгом VI, Рузвельтом и Маккензи Кингом в июне 1939 г. оживили метафору треугольника и отразили очень важную роль Канады в международных отношениях того времени [11].

В сентябре 1940 г. мастер запоминающихся образов Уинстон Черчилль назвал Канаду «стержнем англоязычного мира»: «Канада, с ее дружескими и доверительными отношениями с Соединенными Штатами, с одной стороны, и с ее непоколебимой преданностью Британскому содружеству и Родине, с другой стороны, является тем звеном, которое <...> охватывает океаны, объединяет континенты в их истинные отношения и предотвратит в будущих поколениях рост разделения между гордыми и счастливыми народами Европы и великими странами, возникшими в новом мире»⁸. На начальном этапе войны Канада действительно была своеобразным «мостом», посредством которого осуществлялась неофициальная коммуникация между Рузвельтом и Черчиллем. Роль премьер-министра Маккензи Кинга и его эмиссара Хью Кинлисайда в передаче посланий между двумя великими лидерами является ярким примером того, почему Черчилль считал «стержень» столь важным [12].

Канаде нравилось быть «строителем мостов» по некоторым очевидным причинам. Во-первых, она не хотела оказаться зажатой

⁷ Colonial Secretary to Governor General. Telegram. Secret. London, September 20, 1916 // DCER. Vol. 1. Ottawa, 1967. P. 140-141.

⁸ Winston S. Churchill, Mansion House, 4 September, 1941. URL: <https://winstonchurchill.org/publications/finest-hour/finest-hour-154/the-linchpin-today-a-forgotten-partnership> (accessed: 26.11.2020).

между двумя своими главными союзниками, США и Великобританией, особенно в то время, когда Канада все еще считалась доминионом и, следовательно, не была полностью независимой в своей внешней политике. Во-вторых, Канада использовала политику строительства мостов для того, чтобы иметь доступ к своим союзникам, и наоборот, чтобы союзники имели канал для переговоров друг с другом и с Канадой в качестве посредника. Президент США Рузвельт и британский премьер-министр Черчилль косвенно признали эту новую роль, доминион стал местом проведения двух официальных встреч руководителей Великобритании и США – Квебекских конференций 1943 и 1944 г. Очевидно, что М. Кингу на этих встречах отводилась роль не более чем радушного хозяина, а не равноправного участника переговоров. Важно было другое: Великобритания и Соединенные Штаты видели в канадцах посредника, заслуживающего доверия.

После Второй мировой войны отношения между государствами, входящими в «североатлантический треугольник», кардинальным образом изменились. В условиях «холодной войны» и биполярного мира Соединенные Штаты заняли центральное место в ряду великих держав, Великобритания пыталась найти баланс между отношениями внутри Содружества, Европейского союза и «особыми» отношениями с США, а Канада активно осваивала роль «средней державы». Понятие атлантизма все чаще использовалось в контексте НАТО. Однако опыт трехстороннего взаимодействия, накопленный за предыдущее столетие тремя странами, позволил «североатлантическому треугольнику» оставаться на плаву, проявляя себя там, где и когда это было необходимо.

ВЫВОДЫ

Таким образом, несмотря на многомерность и сложность понятия «североатланти-

ческий треугольник», в самом широком смысле его следует трактовать как теоретический конструкт, характеризующий систему взаимоотношений между Канадой, Великобританией и США на протяжении более чем полуторавекового периода их взаимовлияния, с акцентом на стремление Канады отстаивать свои национальные интересы с помощью и в рамках этого взаимодействия. Наиболее ярко это влияние прослеживалось с конца XIX века и до окончания Второй мировой войны. Однако, в зависимости от точки зрения конкретного исследователя, предмета и общего контекста исследования, хронологические границы, в которых может рассматриваться концепт, порой весьма разнятся.

Становление канадских национальных интересов началось задолго до того, как канадцы осознали себя нацией и обрели возможность проводить самостоятельную внешнюю политику. Этот процесс во многом определялся особыми отношениями с двумя центрами притяжения: метрополией, с одной стороны, и могущественным южным соседом – с другой. Канада прошла долгий путь от колонии, через статус Доминиона к автономии и полной независимости. Но каждый ее шаг на этом направлении определялся необходимостью соотносить свои действия с обстановкой внутри «североатлантического треугольника». Так как Канада являлась самой слабой стороной этого конструкта, очевидно, что из соображений безопасности и сохранения собственных интересов она выработала определенные сценарии взаимоотношений с атлантическими партнерами. В зависимости от исторических обстоятельств акценты в этих сценариях менялись, но неизменной оставалась основная целевая установка канадских внешнеполитических приоритетов – обеспечивать собственную безопасность и извлекать максимальную выгоду из отношений внутри «североатлантического треугольника», умело сглаживая противоречия и филигранно лавируя между Великобританией и США.

Список литературы

1. *Brebner J.B.* North Atlantic Triangle; the Interplay of Canada, the United States, and Great Britain. New Haven: Yale University Press, 1945. 385 p.
2. *Steward G.* What North Atlantic Triangle? // *The London Journal of Canadian Studies*. 2004–2005. № 20. P. 4-16.
3. *Haglund D.G.* The North Atlantic Triangle Revisited: Canadian Grand Strategy at Century's End. Toronto: Irwin Pub, 2000. 114 p.
4. *Mcculloch T.* The North Atlantic Triangle: a Canadian myth? // *International Journal*. 2010. № 66 (1). P. 197-207.
5. *Haglund D.G.* The North Atlantic Triangle revisited: (geo)political metaphor and the logic of Canadian foreign policy // *American Review of Canadian Studies*. 1999. № 29 (2). P. 211-235.
6. *Johnson G.A., Lenarcic D.A.* The decade of transition: The North Atlantic Triangle during the 1920s // *The North Atlantic Triangle in a Changing World*. Toronto: University of Toronto Press, 1996. P. 81-109.
7. *Mackenzie D.* Canada, the North Atlantic Triangle and the Empire // *The Oxford History of the British Empire*. Vol. IV: The Twentieth Century / ed. by A. Porter. L.: Oxford University Press, 1999. P. 341-360.
8. *Pratt D.* The 2007 Ross Ellis Memorial Lectures in Military and Strategic Studies: Is There a Grand Strategy in Canadian Foreign Policy? Calgary: The Canadian Defence and Foreign Affairs Institute, 2008. 41 p.
9. *McKercher B.J.C., Aronsen L.* The North Atlantic Triangle in a Changing World: Anglo-American-Canadian Relations, 1902–1956. Toronto: University of Toronto Press, 1996. 298 p.
10. *Stacey C.* Canada and the Age of Conflict. Vol. 1. Toronto: Macmillan, 1977. 410 p.
11. *Plumpton J.G.* The Linchpin Today – A Forgotten Partnership? URL: <https://winstonchurchill.org/publications/finest-hour/finest-hour-154/the-linchpin-today-a-forgotten-partnership> (accessed: 25.11.2020).
12. *Lyon P.V., Tomlin B.W.* Canada as an International Actor, Canadian Controversies Series. Toronto: Macmillan of Canada, 1979. 209 p.

References

1. *Brebner J. B.* *North Atlantic Triangle; the Interplay of Canada, the United States, and Great Britain*. New Haven, Yale University Press, 1945, 385 p.
2. *Steward G.* What North Atlantic Triangle? *The London Journal of Canadian Studies*, 2004–2005, no. 20, pp. 4-16.
3. *Haglund D.G.* *The North Atlantic Triangle Revisited: Canadian Grand Strategy at Century's End*. Toronto, Irwin Publ., 2000, 114 p.
4. *Mcculloch T.* The North Atlantic Triangle: A Canadian Myth? *International Journal*, 2010, no. 66 (1), pp. 197-207.
5. *Haglund D.G.* The North Atlantic Triangle revisited: (geo)political metaphor and the logic of Canadian foreign policy. *American Review of Canadian Studies*, 1999, no. 29 (2), pp. 211-235.
6. *Johnson G.A., Lenarcic D.A.* The decade of transition: The North Atlantic Triangle during the 1920s. *The North Atlantic Triangle in a Changing World*. Toronto, University of Toronto Press, 1996, pp. 81-109.
7. *Mackenzie D.* Canada, the North Atlantic Triangle and the Empire. *The Oxford History of the British Empire*. Vol. IV: *The Twentieth Century*, London, Oxford University Press, 1999, pp. 341-360.
8. *Pratt D.* *The 2007 Ross Ellis Memorial Lectures in Military and Strategic Studies: Is There a Grand Strategy in Canadian Foreign Policy?* Calgary, The Canadian Defence and Foreign Affairs Institute Publ., 2008, 41 p.
9. *McKercher B.J.C., Aronsen L.* *The North Atlantic Triangle in a Changing World: Anglo-American-Canadian Relations, 1902–1956*. Toronto, University of Toronto Press, 1996, 298 p.
10. *Stacey C.* *Canada and the Age of Conflict*. Vol. 1. Toronto, Macmillan Publ., 1977, 410 p.
11. *Plumpton J.G.* *The Linchpin Today – A Forgotten Partnership?* Available at: <https://winstonchurchill.org/publications/finest-hour/finest-hour-154/the-linchpin-today-a-forgotten-partnership> (accessed 25.11.2020).
12. *Lyon P. V.* *Canada as an International Actor, Canadian Controversies Series*. Toronto, Macmillan of Canada Publ., 1979, 209 p.

Информация об авторе

Жуковская Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-5924-5908](https://orcid.org/0000-0001-5924-5908), zjukovskaya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.09.2021
Одобрена после рецензирования 11.10.2021
Принята к публикации 12.11.2021

Information about the author

Nataliia Y. Zhukovskaya, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Relations and Politology Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-5924-5908](https://orcid.org/0000-0001-5924-5908), zjukovskaya@yandex.ru

The article was submitted 13.09.2021
Approved after reviewing 11.10.2021
Accepted for publication 12.11.2021